

Н. Н. Кириллова, Л. Б. Копчук

ЭЛЕКТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА И ЕГО САМОБЫТНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ)

Предметом исследования является процесс заимствования лексики и фразеологии и его конечный результат в системном аспекте. В фокусе внимания находится элективная функция языка в ситуации межъязыковых (разноязычных) контактов. В случае принятия в свой словарь иноязычной единицы язык использует уже выработанный критерий совместимости / несовместимости фонетических и семантических закономерностей «чужого» элемента с фонетической и семантической средой «хозяина» (метод М. М. Маковского), в результате чего появляются так называемые «ложные друзья переводчика». Сопоставительный анализ, проведенный на материале лексических и фразеологических интернационализмов в романских и германских языках, направлен на установление причин и механизмов появления таких межъязыковых омонимов.

Ключевые слова: иноязычное заимствование, элективная функция, интернационализмы, межъязыковые омонимы, «ложные друзья переводчика».

N. Kirillova, L. Korchuk

ELECTIVE FUNCTION OF THE LANGUAGE AND ITS SINGULARITY: A STUDY OF LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL INTERNATIONALISMS

The paper analyses the process of borrowing vocabulary and phraseology and how this process results in the language system. The focus is on the elective function of the language in the context of interlanguage (multilingual) contacts. When borrowing a foreign language unit, the language uses the established criterion of compatibility / incompatibility of the phonetic and semantic laws of the “alien” element with the phonetic and semantic environment of the “master” (M. M. Makovsky method). This is how the so-called false friends of translators emerge. The paper provides a comparative analysis of lexical and phraseological internationalisms in the Romance and Germanic languages. The aim of the analysis is to establish the reasons and mechanisms of the emergence of such interlingual homonyms.

Keywords: foreign-language borrowing, elective function, internationalisms, interlingual homonyms, false friends of translators.

Языковая компетенция народов европейского ареала представляет собой сложное явление, формирующееся в процессе накопления функционально необходимого материала. По биологическим законам развития любая система нуждается в пополнении автохтонного материала новым. Процесс языкового заимствования (лексического и фразеологического) вызван к жизни коммуникативной функцией языка. Если человек ощущает потребность выразить нечто, отсутствующее в исконном фонде своего языка, то он осуществляет заимствование из

другого языка, с которым находится в контакте. Лексическое или фразеологическое заимствование позволяет ему оформить свой речевой акт в соответствии с его намерением и стремлением точнее выразить мысль. Таким способом происходит расширение словаря родного языка.

В лингвистике описаны формы заимствований в виде шкалы, в начале которой находятся кальки (различные типы), а в конце — лексические заимствования, метафорически обозначаемые как «ложные друзья переводчика» (сокращенно ЛДП). Калька, копия

иноязычного слова в плане выражения (словообразовательные кальки), в плане содержания (семантические кальки), копия внутренней формы фразеологизма (фразеологические кальки) — распространенные типы заимствования, обогащающие любой язык.

В центр изучения проблемы взаимодействия европейских языков, оформившейся в середине XX века в научное направление «контактная лингвистика», поставлен вопрос не обогащения языков вследствие их исторических или неологических контактов (*каких, когда и сколько?*), а тот вопрос, который играет сейчас, на наш взгляд, решающую роль в сохранении самостоятельности и самобытности национального языка. Это вопрос роли элективной функции языка (от *lat. eligere* ‘выбирать, отбирать’) в ситуации межъязыковых (разноязычных) контактов.

Каждый язык на международной арене выступает то донором, то реципиентом. В первом случае родной язык пассивен, во втором, наоборот, активен. Ему предстоит отобрать нечто необходимое для его совершенствования и превратить его в удобный и полезный элемент своей системы. В случае рецепции, то есть принятия в свой словарь иноязычного слова, язык применяет критерий совместимости фонетических и семантических закономерностей «чужого» элемента с фонетической и семантической средой «хозяина» (метод М. М. Маковского [11, с. 6]).

Критерий совместимости / несовместимости вывел на арену научных исследований вопрос «угла отклонения» значений заимствованных лексем, пришедших в чужую среду, например, из германских или романских языков. Новый метод исследования — исчисление лексического и фразеологического угла отклонения в семантической структуре заимствованных лексем во французском языке по сравнению с языками-донорами (итальянским и английским) — был разработан в кандидатской диссертации Ю. С. Сухоруковой. В ходе исследования было выявлено, что семантика заимствований из этих языков

отличается разнонаправленностью: для итальянизмов характерно расширение семантики, для англицизмов, напротив, типично сужение первичных значений. Такая закономерность аргументирована как экстралингвистическими (характер межъязыковых контактов), так и внутрилингвистическими причинами (генетическая общность и разнородность языков-доноров и языка-рецептора) [14, с. 6; 14].

Элективная функция языка работает по принципу экономии: форма сохраняется в готовом (или почти готовом) виде, а значение — по принципу совместимости с родной семантической средой и возможности «встраивания» в языковую картину мира носителей заимствующего языка. Именно этот аспект языкового процесса заимствования является, с нашей точки зрения, недостаточно изученным.

Интересующее нас явление доступно при изучении межъязыковой омонимии, обозначенной в учебной лингвистической литературе метафорой «ложные друзья переводчика», которое, к сожалению, вышло из поля зрения современных лингвистов по сравнению с 60-ми годами прошлого века (см. В. В. Акуленко, С. Ю. Комиссарчик, Р. В. Погорелов, В. Л. Муравьев и др.). В 70-х годах к этой теме вернулся Р. А. Будагов, который рассматривал эти слова как межъязыковые омонимы, т. е. слова, имеющие при одинаковом звучании разные значения, и предложил их классификацию, которая в основном ориентирована на родственные языки [2, с. 267; 269–272].

В словарях конца XX века уже опубликованы количественные данные по парам взаимодействующих языков в аспекте ЛДП при полной или частичной фонетической совместимости. В таблице 1 представлены данные по 14 языкам, лексемы которых образуют ЛДП с французским языком (по [20, р. 1109–1149]).

В таблице 2 представлены примеры ЛДП в европейских языках романской, германской и славянской групп.

Количество ЛДП по отношению к французским лексемам

<i>романские языки</i>		<i>германские языки</i>		<i>языки других групп</i>	
испанский	216	английский	220	греческий	91
португальский	208	немецкий	96	русский	68
итальянский	190	шведский	29	польский	37
румынский	68	норвежский	24	японский	5
		нидерландский	20		
		датский	18		

ЛДП в европейских языках

англ. abusive фр. 'grossier' (грубый) англ. Agenda фр. 'ordre du jour' (повестка дня)	/ фр. abusif ≠ 'excessif' (чрезмерный) / фр. Agenda ≠ carnet (записная книжка)
нем. Apartment фр. studio (кабинет) нем. Glas фр. verre pour boire (стакан)	/ фр. Appartement ≠ нем. Wohnung (квартира) / фр. glace ≠ нем. Eis (лед)
исп. aclarar фр. 'éclaircir' (прояснять) исп. Afamado фр. 'célèbre' (известный)	фр. éclairer ≠ исп. alumbrar (светить) фр. affamé ≠ исп. hambriento (голодный)
ит. affrettare фр. se presser (торопиться) ит. baffi фр. moustaches (усы)	фр. affréter (фрахтовать судно) ≠ ит. noleggiare (нанять) фр. baffe fam (пощечина) ≠ ит. sberla (пощечина)
порт. armada фр. flotte порт. dedal фр. dé à coudre (наперсток)	фр. armée ≠ порт. exército (армия) фр. dédale ≠ порт. labirinto
рум. formal фр. superficiel рум. aperitiv фр. hors-d'oeuvre/	фр. formel ≠ рум. categoric фр. apéritif ≠ рум. băutură alcoolică (водка)

В лингвистическом феномене ЛДП обе стороны лексемы как материального знака — графическая и фонетическая — ведут себя по-разному. Первая (графическая) проявляет большую степень устойчивости по сравнению со второй (фонетической), что позволяет ей выступать в качестве маркера ЛДП. Ярким примером ЛДП в языках Европы являются наблюдения из области номинации периодических изданий. Ежедневная газета во французском языке обозначена

лексемой *journal*, производной от лексемы *jour* 'день', этимология которой восходит к латинскому корню прилагательного *diurnum*, прилагательное от *jour*. Лексема *journal* была заимствована четырьмя языками Европы — английским, датским, испанским, итальянским и русским. Но ни один из них не сохранил значение заимствованной лексемы, а наделил заимствование тем значением, в котором нуждался. Поэтому мы видим следующую картину: англ. *journal* имеет

значение 'дневник, журнал дня', дат. *journal* 'журнал пациента' ('*dossier d'un malade*'), ит. *giornale* 'газета', исп. *jornal* 'рабочий день', *jornada* 'день в дороге, походе, работе' (что соответствует фр. *journée*) и рус. журнал 'иллюстрированный журнал', эквивалент другой лексеме фр. *magazine* [20, с. 561— *journal*].

Итальянская лексема *giornale* примечательна на фоне своих «двоюродных сестер» и своей полисемией, и своей морфологией. В полисемии она имеет те значения, которые в вышеуказанных языках оформлены другими словами: а) газета ежедневная, газета еженедельная, б) во множественном числе имеет значение *пресса*, в) радиожурнал, тележурнал, г) регистрационный журнал, бортовой журнал, журнал путешествий. В морфологии ее дериватология отмечена разными морфами: *giornalista* — тот, кто пишет для читателей газет, *giornalaio* — продавец газет, *giornalaia* — продавщица газет, *giornalaccio* — *през.* плохая газета, *giornataccia* — *през.* плохой день (ety. *giorno*, lat. *diurnale*).

В русской культуре для обозначения ежедневной периодики была заимствована итальянская лексема *gazetta*, ее этимология восходит к названию монеты, которой в Венеции XVI века платили за периодические новости. По этой причине Теофраст Рендо, французский врач и журналист, заимствовал то же слово для основанного им в 1631 году первого еженедельного листка *La Gazette*. И по сей день в русской культуре лексема *gazeta*, введенная Петром Первым, играет роль гиперонима для ежедневных печатных извещий. Однако родоначальница этого слова *gazetta* не покинула страницы ни французской, ни итальянской газеты, перейдя в иной стилистический разряд периодики. Итальянская *gazetta* и французская *gazette* входят в разговорный узус сниженного регистра в переносном значении, когда говорят о женщине-сплетнице: итал. *è un gazetino ambullante*, фр. *c'est une gazette ambullante*, синонимы итал. *è la gaggetta del quartiere*, фр. *c'est la gazette du quartier* в значении *c'est une vraie commère* — «это известная всем сплетница».

Приведенные примеры позволяют сделать вывод: графический портрет лексем узнаваем, но он функционирует в каждом языке с «по-своему приобретенным» значением.

Попытаемся выяснить суть семантической трансформации — от заимствованного значения к формированию специфически нового значения.

Прежде чем заимствовать какое-то слово, народ как носитель национального языка и культуры опирается на свой опыт, в том числе на свое чутье, которым он пользуется как инструментом, чтобы отмерить необходимую потребность позаимствовать ту или иную единицу из языка-донора. А что такое опыт? Опытом называют совокупность чувственных восприятий человека, которые составляют источник и основу его знаний об этом мире [15, с. 765], а, как утверждает автор теории доминанты А. А. Ухтомский, «чувствование вообще следует признать элементом первичным относительно других психических элементов — воли и познания» [16, с. 26].

И. А. Бодуэн де Куртенэ также признавал существование чутья языка народом. Он писал следующее: «Чутье языка народом не выдумка, не субъективный обман, а категория [функция] действительная, положительная, которую можно определить по ее свойствам и действиям, подтвердить объективно, доказать фактами» [1, с. 271].

Элективная функция мозга обслуживает семиотическую связку между формой и содержанием лексической единицы. Чтобы приобрести новое содержание и закрепить его в заимствованной форме, опираясь на стереотипы своего языкового сознания, реципиент встраивает его в картину мира своего национального языка, не минуя при этом как фонетического, так и семантического сопротивления воспринимающей среды. Результатом такого заимствования являются уже не кальки, а «ложные друзья переводчика».

Механизм этого психолингвистического (мыслительного) процесса описан психолингвистами национальных языков и методистами иностранных языков. Согласно

современной методической теории, мыслительная деятельность иноязычного субъекта в роли реципиента другой культуры подобна той, которую осуществляет студент или школьник в ситуации постижения и освоения лингвокультурного текста.

Обратимся к опыту методистов русского языка. Их опыт выделяет в мыслительной деятельности учащихся шесть следующих этапов: 1) рецептивный, 2) прогнозирующий, 3) аналитико-синтетический, 4) интерпретационный (смыслоформулирующий), 5) рефлексивный и 6) творческий с включением новой единицы в собственную картину мира [10].

Представляется, что мозговая деятельность обучающегося проходит от рецептивной (1) работы мозга («какая находка!») к прогнозирующей (2) — «это то, что надо!», затем посредством критического анализа (3) к интерпретации «находки» (4) (в нашем случае — заимствования). В процессе двух последних этапов из шести происходит следующее: в 5-й, рефлексивной, фазе «отшелушивается» ненужное, а нужное (лексема с новым значением) включается в собственную картину мира реципиента, наполняя тем самым заимствованную форму востребованным содержанием (6). Две последние фазы — рефлексивная и творческая, являясь суперактивными (находясь в зоне повышенного возбуждения), закрепляют фонетическое сопротивление воспринимающей среды. Таким же образом в процессе контактов языков возникает межъязыковая лексико-семантическая категория под метафорическим названием «ложные друзья» (*faux amis* — по-французски, *falsche Freunde des Übersetzters* — по-немецки).

Следуя В. фон Гумбольдту, мы понимаем, что субъект, заимствующий в другом языке нужную ему лексему, представляет ее как «совокупность единств» [4, с. 301–302]. Истинность этого положения подтверждается не только лексическим материалом, но и фразеологическим.

Применение идиоэтнического подхода к фразеологии национальных языков, то есть

выявление и изучение шкалы сходств и различий между фразеологическими структурами разных языков (романских, германских, славянских), позволило выявить и изучить данную категорию межъязыковых фразеологизмов, которые отвечают определению омонимии (МФО). МФО — это межъязыковые фразеологизмы, лексико-синтаксические структуры которых по критерию атомарного словосочетания (АСС), под которым мыслится «образ экстралингвистической ситуации из предметного мира» [3, с. 38], совпадают, различаясь своеобразным в каждом из сравниваемых языков значением [5, с. 23–32; 6], нередко — прямо противоположным. Ср. МФО на основе словосочетания ‘*быть записанным в красную книгу*’ в русском и французском языках. В них они имеют прямо противоположные значения: русск. ‘находиться под охраной государства’ (о редких животных и растениях), а фр. *être écrit sur le livre rouge* ‘быть записанным в красную книгу за какие-то проступки, грехи’ с пометой ‘*vieilli* — устаревшее’ [18, с. 560] (в изданиях словаря XXI века данный фразеологизм уже не упоминается). Важно подчеркнуть и редкий случай совпадения омонимии с антонимией данных межъязыковых соответствий: ‘*быть занесенным в красную книгу*’: рус. — ‘быть под охраной государства’, фр. — (см. выше) ‘быть в черных списках’.

Другой пример МФО — атомарное словосочетание ‘*делать салат из всего, что попало*’, которое во французском языке реализуется в форме фразеологизма *faire une salade de diverses choses* со значением ‘устроить неразбериху, хаос’, в то время как итальянское *fare d’ogni erba insalate* (букв. делать салат из любой травы) означает ‘говорить, что на ум взбредет’ [17, с. 342, пр. E-104].

Существуют даже трехязыковые омонимы. Это значит, что один и тот же первичный денотат (т. е. прямая номинация ситуации) проинтерпретирован трижды, в каждом языке — по-своему. Например, атомарное словосочетание ‘*перевернуть лист*’ в испанском языке представлено как *volver la hoja* ‘изме-

нить свое мнение', в итальянском — как *vol-tare foglio* 'переменить тему разговора', в румынском — как *a schimba foaia* 'изменить свое поведение по отношению к кому-либо'. В этот ряд вписывается и немецкое предикативное выражение *das Blatt wendet sich* (букв. 'лист переворачивается'), которое употребляется в значении 'обстоятельства меняются'.

Примерами трехязыковых омонимов, по-разному реализующих атомарное словосочетание '*слышать, как растет трава*', являются, с одной стороны, францужско-итальянские фразеологические омонимы: фр. *entendre pousser l'herbe* 'так тихо, что слышно, как растет трава' (ср. заголовок одной из радиопередач по французскому радио «*Vous entendez pousser l'herbe?*» — дословный перевод: *Вы слышите, как растет трава?*) и итал. *sentir crescere l'erba* 'чувствовать, что почва горит под ногами' [17, с. 342, пр. С-2741], а с другой — немецкий фразеологизм *das Gras wachsen hören*. Примечательно, что семантическая интерпретация точно совпадающей по форме и образной основе с романскими немецкой идиомы, известной еще в XV веке, была первоначально связана с негативным восприятием слишком умных людей, а современные значения 'иметь хороший слух' (ср. итал. *sentire nascere la gramigna* — 'обладать тонким слухом') и 'быть хорошо информированным' сформировались лишь в середине XVII века.

В вышеуказанном исследовании Ю. С. Сухоруковой выявлено пять МФО итало-французских (0,7 %), например, итал. *Uomo di cartone* 'слабохарактерный человек', фр. *homme de carton* 'бездельник' при одном и том же атомарном словосочетании 'человек из картона'. Англо-французская парадигма омонимов равна нулю [14, с. 21]. По-прежнему преобладают идиоэтнические фразеологизмы, не образующие никаких семантических пар: итало-французских — 684 ФЕ, англо-французских — 252 ФЕ [14, с. 21].

Наряду с межъязыковой фразеологической омонимией проявлением элективной функции языка во фразеологии можно считать

существование фразеологических омонимов межареального уровня, например, межареальных фразеологизмов-омонимов, которые, в частности, были обнаружены во фразеологических составах французского языка Квебека М. М. Кривоноговой [9] и Бельгии Э. А. Николаевой [12].

Дивергентное развитие семантики фразеологизмов в пределах отдельных ареалов, объединенных общим языком-основой, но имеющих существенные национальные и/или региональные особенности на разных уровнях языковой системы, базируется на том, что, по словам Л. И. Ройзензона, «одни и те же образные основы могут в разных языках индуцировать совершенно различные с точки зрения семантики и экспрессивно-эмоциональных свойств фразеологизмы, так как сами понятия, стоящие за этими образами, получают разную культурно-историческую коннотацию» [13, с. 15].

В данном случае наблюдается формирование наиболее актуальных для соответствующих лингвокультурных сообществ значений в результате культурно-специфического осмысления одного и того же переменного словосочетания, подвергнувшегося фразеологизации. Таким образом, существование и межъязыковых, и межареальных фразеологических омонимов «обусловлено разной семиологической значимостью одной и той же предметной ситуации» в отдельных социумах [6, с. 36] в соответствии с этнокультурно обусловленными особенностями их ассоциативных и лингвокреативных практик. При этом в рамках определенной ареально очерченной этнокультуры в отношении развития семантики фразеологизмов, использующих универсальную образную основу, действуют те же механизмы отбора необходимого и принцип «встраивания» в языковую картину мира, отмеченную национальной и/или региональной самобытностью, что и в случае с заимствованиями.

Явление межареальной фразеологической омонимии наблюдается не только в романских языках, но обнаруживается также во фразеоло-

логических составах национальных вариантов немецкого языка [8, с. 124, 134, 150].

Например, атомарное словосочетание ‘ломать голову’ представлено и в собственно немецком, и в германошвейцарском ареалах, однако нем. *sich einen Kopf machen* означает ‘раздумывать; беспокоиться’, а швейц. *den Kopf machen* используется в значении ‘упрямиться, не желать уступить’.

Еще один образ на основе соматизма по-разному интерпретируется в выражении *kurze Arme haben* — АСС ‘иметь короткие руки’: в немецком узусе — ‘кому-либо недостает силы’ (ср. рус. ‘руки коротки’), а в германошвейцарском — ‘быть лентяем’.

Различному образному осмыслению подверглось в Германии и в Австрии атомарное словосочетание ‘стучать по столу’ в форме *auf den Tisch hauen*: нем. ‘энергично заявлять о себе; рассердиться’ — австр. ‘хвастать’.

Приведенные примеры показывают, что в случае межареальной фразеологической омонимии специфика заключается в наличии полного тождества фразеологических единиц разных ареалов в плане выражения (тождество компонентного состава и структурной организации) при существенном расхождении в плане содержания. Тем более важным

является установление этих расхождений во избежание коммуникативных неудач при общении представителей разных этнокультурных сообществ.

Итак, на основе проведенного анализа можно сделать следующий вывод. Интернациональная лексика и фразеология формируют ту область, сопоставительное изучение которой в аспекте межъязыковой и межареальной омонимии, то есть *ложных друзей переводчика*, позволяет расширить и углубить представления о механизме элективности и о развитии языковой самобытности.

Составление словаря ЛДП по языкам внутри одной типологической группы или разных групп как на лексическом, так и на фразеологическом уровнях способствует расширению представления о взаимодействии разных народов европейского ареала и тем самым дальнейшей разработке контактной лингвистики, способствующей развитию культурно-национальной компетенции этносов в ее лексических и фразеологических формах.

Научный интерес к межъязыковым контактам требует также увеличения орбиты интернациональных исследований по романским, германским, славянским и другим языкам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодуэн де Куртене И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. М.: Просвещение, 1964. С. 263–283.
2. Будагов Р. А. Ложные друзья переводчика // Человек и его язык. М.: Изд-во МГУ, 1976. 276 с.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 133 с.
4. Гумбольдт В. фон. О мышлении и речи // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 301–302.
5. Кириллова Н. Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект. 2-е изд., сокр. СПб.: Книжный Дом, 2015. 236 с.
6. Кириллова Н. Н. О типологии межъязыковых фразеологических соответствий // Проблемы идиоэтнической фразеологии: Доклады на межвуз. семинаре. Вып. 2 / под ред. Н. Н. Кирилловой. СПб.: Образование, 1997. С. 33–41.
7. Копчук Л. Б. Фразеологизмы как знаки-индикаторы культурно-языковой компетенции носителей языка // Проблемы идиоэтнической фразеологии. СПб.: Б. и., 2000. С. 42–49.
8. Копчук Л. Б. Национальная и региональная вариативность лексики и фразеологии современного немецкого языка. СПб.: Образование, 1997. 170 с.
9. Кривоногова М. М. Особенности фразеологии французского языка Квебека (в сравнении с фразеологией первичного ареала): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997. 160 с.
10. Левушкина О. Н. Тексториентированный урок русского языка на основе лингвокультурологической характеристики текста // Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития / науч. ред. Н. Л. Мишатина. СПб.: Книжный Дом, 2017. С. 180–193.

11. *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996. 416 с.
12. *Николаева Э. А.* Первичное фразообразование в бельгийском варианте французского языка: семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 304 с.
13. *Ройзензон Л. И.* Фразеология и страноведение // Бюллетень по фразеологии № 1. Труды Самарк. гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия. 1972. Вып. 234. С. 12–19.
14. *Сухорукова Ю. С.* Динамика семантических процессов заимствований в современном французском языке (свободный и связанный контекст): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 24 с.
15. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель; Аст, 2003. 1582 с.
16. *Ухтомский А. А.* Доминанта. СПб.: Питер, 2019. 512 с.
17. *Черданцева Т. З., Рецкер Я. И., Зорько Г. Ф.* Итальянско-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1982. 1056 с.
18. *Rey A., Chantreau S.* Dictionnaire des expressions et locutions. Paris: Les usuels du Robert, 1984. 1035 p.
19. *Rey A., Chantreau S.* Dictionnaire des expressions et locutions. Paris: Le Robert, 2003. 930 p.
20. *Rey-Debov J.* Dictionnaire du français. Paris: Le Robert, 1999. 1232 p.

REFERENCES

1. *Boduen de Kurtene I. A.* Nekotorye obshchie zamechaniya o yazykovedenii i yazyke // Istoriya yazykoznaniiya XIX–XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah / V. A. Zvegintsev. M.: Prosveshchenie, 1964. S. 263–283.
2. *Budagov R. A.* Lozhnye druž'ya perevodchika // Chelovek i ego yazyk. M.: Izd-vo MGU, 1976. 276 s.
3. *Vitgenshteyn L.* Logiko-filosofskiy traktat. M.: Izd-vo inostrannoy literatury, 1958. 133 s.
4. *Gumbol'dt V. fon.* O myshlenii i rechi // Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. M.: Progress, 1984. S. 301–302.
5. *Kirillova N. N.* Frazeologiya romanskih yazykov: etnolingvisticheskiy aspekt. 2-e izd., sokr. SPb.: Knizhnyj Dom, 2015. 236 s.
6. *Kirillova N. N.* O tipologii mezh'yazykovykh frazeologicheskikh sootvetstviy // Problemy idioetnicheskoy frazeologii: Doklady na mezhdvuz. seminare. Vyp. 2 / pod red. N. N. Kirillovoy. SPb.: Obrazovanie, 1997. S. 33–41.
7. *Kopchuk L. B.* Frazeologizmy kak znaki-indikatory kul'turno-yazykovoy kompetentsii nositeley yazyka // Problemy idioetnicheskoy frazeologii. SPb.: B. i., 2000. S. 42–49.
8. *Kopchuk L. B.* Natsional'naya i regional'naya variativnost' leksiki i frazeologii sovremennogo nemetskogo yazyka. SPb.: Obrazovanie, 1997. 170 s.
9. *Krivotogova M. M.* Osobennosti frazeologii frantsuzskogo yazyka Kvebeka (v sravnenii s frazeologiyey pervichnogo areala): dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 1997. 160 s.
10. *Levushkina O. N.* Tekstoorientirovannyj urok russkogo yazyka na osnove lingvokul'turologicheskoy harakteristiki teksta // Metodicheskaya lingvokontseptologiya: itogi i perspektivy razvitiya / nauch. red. N. L. Mishatina. SPb.: Knizhnyj Dom, 2017. S. 180–193.
11. *Makovskiy M. M.* Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simvoliki v indoevropeyskih yazykah. Obraz mira i miroy obrazov. M.: VLADOS, 1996. 416 s.
12. *Nikolaeva E. A.* Pervichnoe frazoobrazovanie v bel'giyskom variante frantsuzskogo yazyka: semanticheskij aspekt: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006. 304 s.
13. *Royzenzon L. I.* Frazeologiya i stranovedenie // Byulleten' po frazeologii № 1. Trudy Samark. gos. un-ta im. A. Navoi. Novaya seriya. 1972. Vyp. 234. S. 12–19.
14. *Suhorukova Yu. S.* Dinamika semanticheskikh protsessov zaimstvovaniy v sovremennom frantsuzskom yazyke (svobodnyj i svyazannyj kontekst): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2005. 24 s.
15. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / pod red. D. V. Dmitrieva. M.: Astrel'; Ast, 2003. 1582 s.
16. *Uhtomskiy A. A.* Dominanta. SPb.: Piter, 2019. 512 s.
17. *Cherdantseva T. Z., Retsker Ya. I., Zor'ko G. F.* Ital'yansko-russkiy frazeologicheskij slovar'. M.: Russkiy yazyk, 1982. 1056 s.
18. *Rey A., Chantreau S.* Dictionnaire des expressions et locutions. Paris: Les usuels du Robert, 1984. 1035 p.
19. *Rey A., Chantreau S.* Dictionnaire des expressions et locutions. Paris: Le Robert, 2003. 930 p.
20. *Rey-Debov J.* Dictionnaire du français. Paris: Le Robert, 1999. 1232 p.